

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Сегодня Дмитриевская родительская суббота – день особого поминовения усопших. В эту субботу мы традиционно приходим в Божий храм, чтобы почтить память тех, кто были близки нам при жизни, но уже переступили порог вечности. Из семи дней недели церковный устав отделяет субботу, как день наиболее приличествующий для поминовения усопших. В библейском контексте это день, когда Бог почил от дней творения мира, а также день, когда Христос, совершив свой искупительный подвиг, также почил от дел своих на кресте, то есть день, когда смертью Христовой была повержена сама держава смерти.

Традиционно, в церковной практике для особого поминовения усопших выделяются четыре субботы, обычно называемых «родительскими». Три из них: Мясопустная, Троицкая и Радоница, по всей видимости, были установлены ещё в греческой церкви, и принесены к нам на Русь вместе с проповедью христианства. И только четвёртая имеет сугубо русское происхождение.

После похода за Дон, где остались лежать тысячи русских доблестных воинов, победитель Мамаю, великий князь Дмитрий, посетил монастырь преподобного Сергия, где были отслужены многочисленные панихиды. Тогда-то князь предложил совершать это поминовение ежегодно, в субботу перед двадцать шестым октября, днём памяти святого великомученика Дмитрия Солунского, покровителя православного воинства, назвав её «Дмитриевской». В последствии, в эту субботу, благодарные потомки стали творить поминовение не только воинов, положивших жизнь за веру и отечество, но и всех православных предков, назвав её «родительским» днём. Так в церковной памяти была увековечена Куликовская битва.

Посмертная жизнь души, всегда некая манящая к себе тайна, что и как там?! Вопрос, переходящий из поколения в поколение, и порождающий массу ответов. Если обратимся к дохристианской истории, то увидим множество различных вариантов описаний посмертия. Наиболее древний, принадлежит египетской книге мёртвых, написанной предположительно во втором тысячелетии до н.э. В этом древнейшем документе немало рассуждений о том, как надлежит взывать душе к богам в загробном мире, чтобы не подвергнуться

тяжким ударам, страданиям, бичеваниям, и не оказаться в состоянии, ещё более худшем, чем сама смерть.

Нечто подобное присутствует и в тибетской книге мёртвых, **которое**, правда, имеет более позднее происхождение, она была написана около 8 века, уже н.э. В ней мы видим другие молитвы, специфические для индуистского сознания. Смерть рассматривается здесь как ступень в эволюции или, напротив, в деградации, выражающаяся в соответствующих формах перевоплощения.

Любопытную мысль о посмертии можно встретить и в древнегреческой мифологии. Так у Гомера в «Одиссее» есть весьма противоречивые характеристики состояния человеческого духа в царствии Аида. Вот как Ахиллес богоравный жалуется Одиссею: *«О Одиссей, утешение в смерти мне дать не надейся, лучше хотел б я живой, как поденищик, работая в поле, службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный, нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать мертвый»*.

Итак, большинство народов в дохристианском мире представляло посмертное состояние человека, как нечто неизмеримо худшее, нежели любая земная жизнь. Причём повлиять на это состояние были не в силах ни молитвы, ни жертвы. Отчасти эти представления разделялись и в ветхозаветной еврейской религии.

В Священном Писании Ветхого Завета мы не найдём достаточно чётких указаний о поминовении усопших, и только в одной из Маккавейских книг, написанной гораздо позднее, есть некоторые представления об этом. События, которые описывает эта книга, происходят в эллинистический период, когда после смерти Александра Великого, на огромном пространстве созданной им империи возникает множество греческих государств. В каждом из них процесс ассимиляции и эллинизации происходил по-своему. Но наиболее болезненно он протекал в государстве Селевкидов. В середине 2 века до н.э. правитель Сирии Антиох Епифан, после поражения от римлян при Магнезии, в целях уплаты военной контрибуции, был вынужден ограбить Иерусалимский храм и ввиду недовольства евреев пытался искусственно ускорить процесс эллинизации. В результате в Палестине вспыхивает восстание под предводительством Иуды Маккавея, при котором Иудея добивается национальной независимости. В ходе

освободительной войны после одной из битв выясняется, что в вещах погибших за веру отцов войнов были идолы, что совершенно недопустимо с точки зрения закона Моисеева. В виду явного греха усопших вождь евреев Иуда Маккавей решает принести умиловительную жертву Богу, во искупление греха соратников и получает пророческое свидетельство о том, что жертва эта была принята. Что же касается посмертного состояния души, то в Ветхом Завете существовало представление о шиолле, то есть о месте, куда сходили души всех умерших, и только некоторые из них сохраняли надежду на будущее воскресенье, которое связывали с приходом Миссии Христа. Так псалмопевец, царь, пророк Давид взывает: *«я верю, что избавитель мой жив и что он изведёт меня из рова истления»*. Пожалуй, это наибольшее, что было открыто дохристианскому миру. Толща веков отделяет нас от того времени, когда пребывал на земле Христос, однако Тот, Кто послал апостолов благовестить торжество жизни над смертью является господином и субботы, то есть владыкой времён.

Евангелие доносит до нас один эпизод из земной жизни Христа: однажды преступили к Иисусу саддукеи, искушая его и глаголя. Цель этих глаголов заключалась в том, чтобы показать слушателям нелепость веры во всеобщее воскресение. Тогда с гневом возрев на них Спаситель сказал: *«разве не читали вы в книгах ваших, так Бог называет себя, Я есть Бог Авраама, Исаака и Иакова, не Бог умерших, но живых, ибо у Бога все живы»*.

Эта мысль ещё более ярко поясняется в притче о богаче и Лазаре, в которой посмертная участь души поставляется в зависимость от нравственного состояния человека. Главным же основанием христианской веры то, что человеческая личность неуничтожима после смерти, является факт Воскресения Христова, Христос стал для нас вторым Адамом, родоначальником нового обновлённого человечества, ибо «как в Адаме все мы умираем, – говорит апостол Павел, – так во Христе все оживём».

Христианская традиция поминовения усопших восходит в глубокой древности и имеет апостольское установление, о чём свидетельствуют многие археологические памятники той эпохи. Как известно, ввиду жестоких гонений первые собрания христиан проводились глубоко под землёй в катакомбах, где

на гробах мучениках, то есть свидетелей веры, совершалась Божественная литургия. Римские катакомбы доносят до нас как общую обстановку тех времён, так и религиозное настроение первых христианских общин. Над гробами мучеников мы находим многочисленные записи: «Мы знаем, что вы живы у Бога». Или же подобные той, которые можно прочитать над криптой святой мученицы Агнии: «Мы знаем, что ты со Христом, мы знаем, что ты живёшь вечно».

Аналогичные свидетельства можно найти и в мартирологах, то есть в календарях, в которых фиксировались дни памяти святых мучениках. Примечательно, что в этих древних христианских памятниках, день памяти мученика называется днём его рождения, то есть днём, когда через свидетельство о Христе, мученик родился для вечной жизни.

Быть христианином – это значит принимать те дары, которые принёс на землю Христос, принимать ту чашу, через которую преподается нам прививка бессмертия, через которую в нашу жизнь входит нечто неразрушимое. Незадолго до крестных страданий Христос совершает прощальную трапезу со своими учениками, на которой дары предложения: хлеб и вино, нарекает Он Своим Телом и Кровию: «Примите, ядите, сие есть Тело Мое, и пейте от нея вси, сия есть Кровь Моя, которая за вас и за многих изливается во оставление грехов». Обычная трапеза, согласно данным современной биологии преобразуется в клетке нашего тела, и поэтому ещё древние говорили: «человек есть то, что он ест». Уникальность же трапезы Господней, которая по заповеди Христа, и по ныне совершается в православной церкви, заключается в том, что принимая частичку причастия, не мы преобразуем её в свой организм, но, напротив, она преобразует нас в частичку единого воскресшего Тела Христова. Поэтому всё то, что однажды произошло со Христом, произойдёт и с нами, то есть Пасха Христова станет и нашей Пасхой.

Исходя из назначения христианина жить вечно, Церковью и было установлено молиться о тех, кто ныне уже переступил порог вечности, и если это души спасённых, то наши молитвы отразятся в их чистых сердцах, их молитвой за нас пред Богом, но если это души тех, кто ещё нуждается в

молитвах Церкви, то наш христианский долг любви помнить и молиться о них, да сопричислит и их милосердый Господь к блаженной вечности.

О пользе молитв за усопших свидетельствует предание на протяжении всей церковной истории, один из наиболее ярких примеров мы находим в житии преподобного Макария Великого. Отшельник монах в 4 веке местом своих подвигов избрал одну из заброшенных гробниц в пустыне Египта. И по обыкновению молился за всех в ней погребённых людей. Однажды, увидев человеческий череп, он задумался, кем же был и где ты сейчас!? Тогда, по откровению Божию, дух умершего ответил: «я был жрецом и служил идолам на этом месте, теперь же нахожусь во тьме и испытываю муку, но прошу тебя, Макарий, не забывай нас в своих молитвах». На что подвижник удивлённо спросил: почему ты знаешь моё имя? Здесь все тебя знают-отвечал дух умершего, ибо когда ты за нас молишься, мы получаем некоторое утешение.

«Во блаженном успении вечный покой» – эти слова чаще других приходится нам слышать в дни памяти наших сродников за богослужением, ни смерти, ни успения. Ибо весь смысл христианской жизни и проповеди заключается в том, чтобы каждый из нас обрёл радость Пасхи Христовой и не утратил её, чтобы впуская в свою жизнь Христа и умирая с ним, нам с ним и воскреснуть. Аминь.

Протоиерей Николай Грошев